

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Р. ЯБЛОНСКИТЕ-РИМАНТЕНЕ

О ДРЕВНЕЙШИХ КУЛЬТУРНЫХ ОБЛАСТЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ЛИТВЫ

На сравнительно небольшой территории Литовской ССР даже в настоящее время можно выделить несколько этнографических областей, которые еще в конце XIX в. резко различались по форме строений, одежде, обычаям и т. п. Для понимания происхождения этих различий одних только этнографических данных недостаточно: выяснение истории живших на определенной территории племен и народов может быть достигнуто только совместными усилиями археологов, этнографов, антропологов и языковедов. Археологи Литвы уже собрали достаточно данных для постановки, а частично и для разрешения отдельных вопросов о древнейших культурных областях на территории страны. К сожалению, большинство этих материалов еще не опубликовано, и с ними можно познакомиться только в музеях Литвы.

Основываясь на данных исследования различных памятников, а также на письменных источниках и этнографических материалах, можно приблизительно установить отдельные культурные области первобытно-общинного времени, в известной степени совпадающие с расселением древних племен.

Культурные области в Литве начинают выявляться уже со времени мезолита. Из-за ограниченности исследований в соседних областях точно установить их границы еще не представляется возможным. Пока можно наметить лишь приблизительные границы распространения культуры прибалтийского мезолита. На юге она захватывает Гродненскую область¹, на западе — Калининградскую область и Мазурский край в Польше², на востоке — район Молодечно (БССР) и распространяется далее к югу вплоть до Пинских болот³.

В Латвийской ССР найдены только костяные изделия периода мезолита, которые во многом сходны с подобными находками в Литве, а также с предметами, характерными для мезолита северной Европы⁴. То же самое и в Эстонской ССР. В настоящее время из-за малого количества

¹ Z. Gloger, Osady nad Niemnem i na Podlasiu s czasów użytku krzemienia, «Wiadomości Archeologiczne», Warszawa, 1873, I, стр. 97, III, стр. 115; Z. Szmít, Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu, «Wiadomości Archeologiczne», Warszawa, 1929, X, стр. 36—118.

² C. Engel, Vorgeschichte der altpreussischen Stämme, Königsberg, 1935 табл. 22.

³ К. М. Поликарпович, Палеолит і мезоліт БССР і некаторих саселніх крайн, «Прасы секцыі археологіі», III, стр. 218—221; K. Polikarpovic, Das paläolithikum und mesolithikum der Weissrussischen SSR und einiger Nachbargebiete am oberen Dnjepr, «Transaction of the II International conference...», 1935, V, стр. 70—83.

⁴ H. Moora, Pirmatņējā kopienas iekārta un agra feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā, Rīgā, 1952, стр. 11—13.

находок нельзя говорить о принадлежности стоянок Эстонии и Латвии к одной культурной области. Возможно, культура этих областей имела свои особенности. Это различие гораздо яснее проявляется в неолите, когда культура Литвы становится совершенно самостоятельной.

При определении культурных областей эпохи неолита обыкновенно основываются только на изучении керамики. К сожалению, до настоящего времени в Литве еще мало хорошо исследованных стоянок с керамикой, так как на развеванных ветром дюнных стоянках сохранились лишь очень мелкие фрагменты глиняной посуды, а иногда на таких стоянках керамики совсем не обнаруживается. Найденные сосуды чаще всего не орнаментированы. Для неолита Латвии характерно большое количество гребенчатой керамики, тогда как в Литве ее почти нет. В то же время шнуровая керамика в Латвии встречается весьма редко и только в ее юго-восточной части, а на литовских неолитических стоянках она господствует.

То же относится к кремневым изделиям. В Латвии ромбовидные наколенники стрел, характерные для культуры гребенчатой керамики, находят сотнями, а в Литве до сего времени известно только несколько наколенников этого вида. В то же время в Литве так же, как в Латвии и Эстонии, часто находят ладьевидные каменные топоры, распространение которых, вероятно, было связано с развитием новой формы хозяйственной деятельности — скотоводства, требовавшего организованной охраны стад.

Обнаружение памятников с гребенчатой керамикой вплоть до Одера совсем не означает, что на всем этом пространстве жила одна этническая группа. В данном случае скорее можно говорить об экономической общности, о культурном влиянии, но не о расселении определенной группы родственных племен. На всем побережье Балтийского моря к югу от Литвы не встречалось в неолите ни чистой гребенчато-керамической, ни чисто шнуро-керамической культуры. Везде обнаруживалось смешение этих культур, приобретающее локальные оттенки⁵.

Наряду с указанными видами керамики необходимо отметить и третий ее вид — штрихованную керамику. Шнуровая керамика на городищах I-го тысячелетия до н. э. не встречается, гребенчатая (мелкозубчатая и ямочная) еще сохраняется до начала н. э., а штрихованная, появившаяся во II тысячелетия до н. э. была широко распространена вплоть до III—IV вв. н. э. и таким образом объединяет культуры каменного и железного веков. И хотя позднее всю территорию от Днепра до Занеманья и от среднего и верхнего течения Даугавы до верховьев Немана, на которой распространена эта керамика, считать населенной литовцами нельзя, в первые века н. э. штрихованная керамика была для литовцев наиболее характерной⁶.

Для конца третьего и начала второго тысячелетий до н. э. уже можно выявить границы распространения литовско-латышских (балтийских) племен. Для всей этой территории от Персанте до Даугавы характерны находки каменных мотыг с расширенным в виде змеиной головы обухом («змееголовые мотыги»; рис. 1, а). На этой же территории распространены и характерные для балтийских племен узкие проушные каменные топоры с параллельными сторонами и четырехугольным обухом (рис. 1, б); распространение их на севере тоже доходит до Даугавы. На юге и на востоке граница прослеживается хуже из-за недостатка пуб-

⁵ J. Kostrzewski, Über die jungsteinzeitliche Besiedlung der polnischen Ostseeküste, «Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigaе, 19.23.VIII.1930», Riga, 1931, стр. 55—63.

⁶ A. Tautavičius. Rytų Lietuva mūsų eros pirmajame tūkstantmetyje, Vilnius, 1953 (Диссертация, архив Института истории и права АН ЛССР); А. Г. Митрофанов, К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа, Л., 1953 (Диссертация, архив Ленинградского Гос. ун-та им. А. А. Жданова).

ликованных данных, но приблизительно она совпадает с границей распространения «змееголовых мотыг»⁷.

С появлением во втором тысячелетии до н. э. бронзы в области распространения «змееголовых мотыг» и указанного типа каменных топоров получают распространение топоры с расширенным округлым острием и с закраинами, боевые топоры нортикенского типа, спиральные булавки (рис. 1, *в*, *г*, *д*). К сожалению, памятники этого периода вплоть до II в. н. э. очень мало исследованы. На всей этой территории встречаются очень

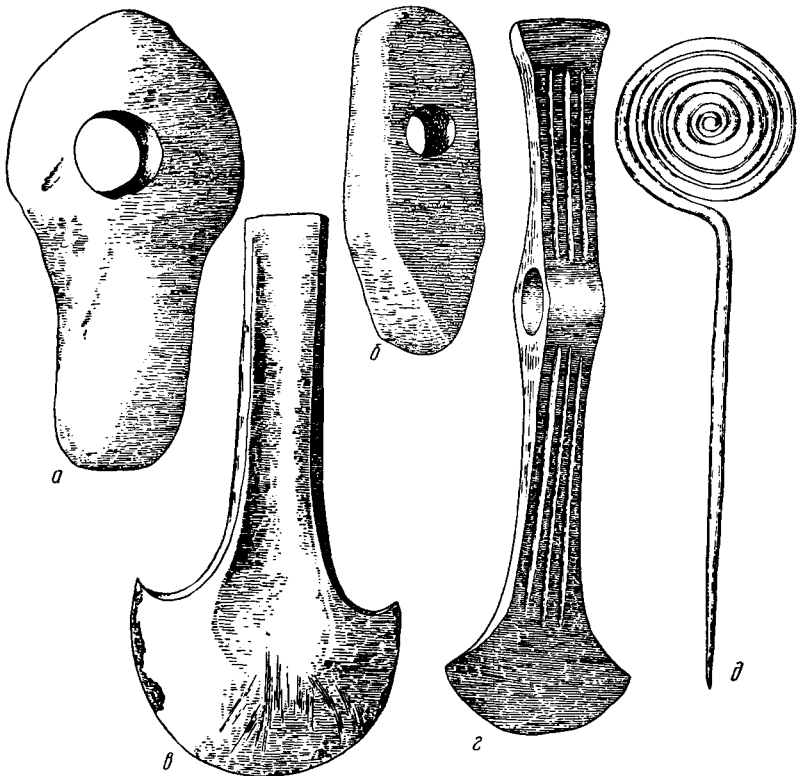

Рис. 1. *а* — «змееголовая» мотыга; *б* — каменный топор с параллельными сторонами; *в* — топор с закраинами; *г* — боевой топор типа Нортикен; *д* — спиральная булавка

схожие курганы с каменными венцами в середине или обложенные камнями сверху. Дальнейшие исследования выявят здесь отдельные культурные области, хотя, несомненно, до начала н. э. культура всех литовских, а также латвийских и древнепрусских племен была очень сходной. Только начиная со II в. н. э. ясно выделяются отдельные культурные группы, в известной степени соответствующие древним племенам.

Попытаемся наметить наиболее ясно выраженные в первые века н. э. культурные области на территории Литвы. Проследим развитие хозяйства и культуры в каждой из них до возникновения письменной истории и сделаем попытку определить, какие племенные группы они выявляют.

Точность некоторых данных не вызывает сомнений, другие же требуют оговорок. Характерными материалами, бесспорно, являются погребальные памятники. Связанные с определенной идеологией, они не скоро поддаются чужим влияниям. Показательны также и различные типы изделий, распространение которых никогда не ограничивается только пределами расселения определенного племени.

⁷ L. Kilia n, Das Siedlungsgebiet der Balten in der älteren Bronzezeit Altpreussen, Königsberg, 1939, 4, стр. 107—114.

Но распространение изделий можно увязывать с этническими границами только в том случае, если оно не обусловлено какими-либо явлениями чисто экономического характера, связанными с развитием в определенном периоде на большом пространстве новых форм хозяйственной жизни.

По типу погребений первых веков нашей эры в Литве ясно выделяются следующие культурные области: область грунтовых могильников западной Литвы, область грунтовых могильников средней Литвы, область курганных могильников северной Литвы, область курганных могильников восточной Литвы и область каменных могил юго-западной

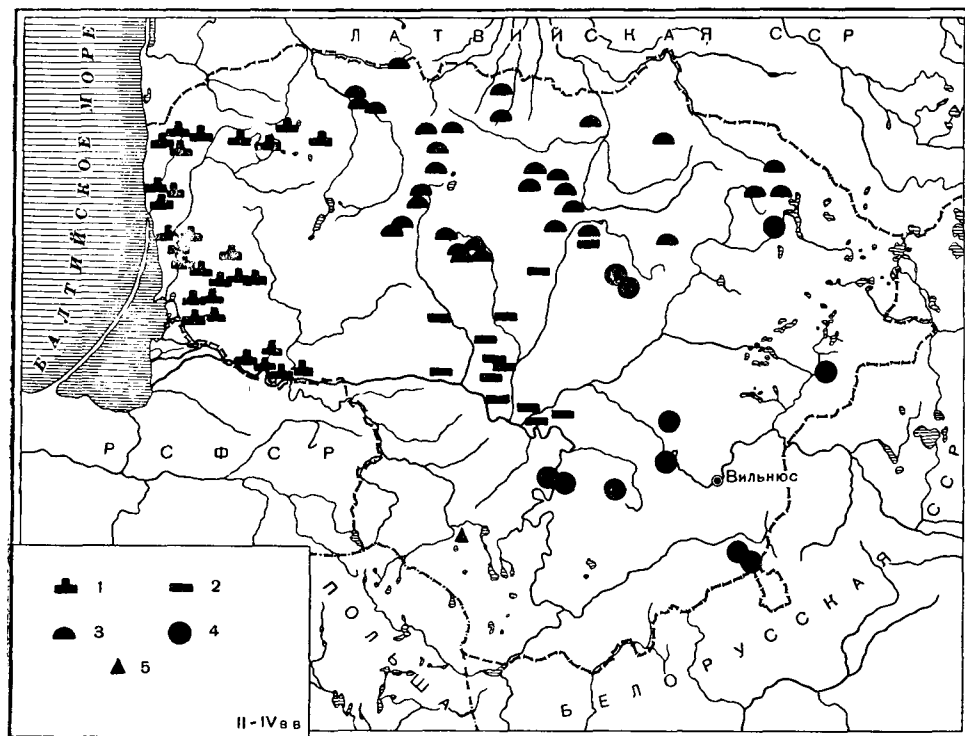

Рис. 2. Распространение типов погребений II—IV вв. в Литве

Литвы⁸. По наружному виду памятники погребений отдельных областей кажутся сходными, но они значительно разнятся внутренним устройством и инвентарем.

Первая область (западной Литвы) занимает побережье Балтийского моря и устья Немана (см. карты, рис. 2, 5, 8). В этой области распространены грунтовые погребения, обложенные каменным венцом (на картах знак «1») на глубине 10—30 см от поверхности земли. Могила — размером 3 × 2 м, почти четырехугольная в плане. Погребения без каменных венцов встречаются редко и не характерны для данной области. Но можно предположить, что каменные венцы были разрушены, в особенности, если они выступали из земли и мешали земледельческим работам, или же были разобраны на постройки.

Каменные венцы соорудили, повидимому, на поверхности земли, насыпанной над погребением, так как само погребение чаще всего распо-

⁸ M. Alseikaitė-Gimbutienė, *Kapų tipai Lietuvoje pristoriniais laikais, «Gimtasai Kraštas», Siauliai, 1943, № 31, стр. 1—30; Р. Куликаускаене, Погребальные памятники Литвы конца I—начала II тысячелетия нашей эры КСИИМК, X, 1952, стр. 108—122.*

лагалось глубже. Венцы состояли из камней иногда до 80 см в диаметре, уложенных впритык один к другому. Повидимому, ранние погребения имели круглые каменные венцы. Такие венцы обнаружены в селениях Сенкай (Кретингский район), Режате (Салантайский район), Рудайчяй (Клайпедский район). В других могильниках каменные венцы четырехугольной формы. Характерно, что в этой области до нашей эры встречаются также курганные погребения с соприкасающимися каменными венцами (с. Курмайчяй Кретингского района)⁹. Особенно правильную прямоугольную форму каменные венцы получили в V—IV вв. Могилы расположены рядами (с. Тубаусяй Кретингского района, Режате Салантайского района). Каменные венцы соединяют отдельные могилы и их ряды. Встречаются и двойные погребения, окруженные общим каменным венцом (с. Тубаусяй Кретингского района).

Наиболее характерные каменные венцы наблюдаются в V—VI вв. Погребения IX—XIII вв. венцов не имеют. Дальнейшее исследование погребений двух промежуточных веков позволит проследить эволюцию погребений этого типа. Однако и в настоящее время имеются некоторые данные, показывающие, что позднейшие погребения повторяют более ранние. Так, еще в X в. изредка встречались каменные венцы. Таков могильник Гинтелишке (Салантайский район). Погребение № 9, находящееся почти в середине могильника, окружено четырехугольным каменным венцом. Аналогичное погребение № 1 было обнаружено и в Имбаре (Салантайский район). Другой особенностью, связывающей эти погребения с ранними, является своеобразное расположение захоронений. Если раньше этого требовали каменные венцы, то позднее оно сохранилось лишь по традиции.

Около XI в. в этой области начинает распространяться обряд трупосожжения. В некоторых могильниках обнаружены погребения с труположением и трупосожжением (Гинтелишке и Лайвьяй Салантайского района, Димитрава Кретингского района, Рудайчяй Клайпедского района). Сначала при трупосожжении погребение производилось в таких же продолговатых ямах, позднее сожженные кости и инвентарь стали складывать в небольшие гробы и, наконец, в ямки. В ранних памятниках погребения с трупосожжением (Гинтелишке и Лайвьяй Салантайского района; Лаздининкай Кретингского района) сожженные кости рассыпаны по всей длине гроба, а весь инвентарь разложен в определенном порядке. Кости еще полностью выбирали из костра. Это показывает постепенную эволюцию от старых обрядов к новым. Дальнейшее развитие погребений с трупосожжением можно проследить по могильнику Яздай (Кретингский район), где сожженные кости погребены в небольших (60 × 30 см) гробах. Такие погребения обнаружены в Линкунай (Калининградская обл.), Рямучяй и Андуляй (Клайпедский район). Таким образом, появившийся в IX в. наряду с труположением обряд трупосожжения в течение двух столетий распространился по всей западной Литве. В XI в. старый обряд труположения уже исчезает.

Определенная преемственность прослеживается и в расположении погребального инвентаря, который, как и в других областях Литвы, отличается характерными для отдельных периодов особенностями: в первых веках н. э. в погребениях встречается много земледельческих орудий труда (подсечное земледелие периода расцвета родового строя), в IV—VI вв. — много оружия (распад родового строя, военная демократия) и т. д.

Отличительной особенностью погребений западной Литвы является их ориентировка. Умерших обычно погребали головами на северо-запад, чаще всего в направлении 330° (Курмайчяй, Лаздининкай Кретингского

⁹ Дневники археологических раскопок и находки, хранящиеся в Каунасском художественном музее им. М. К. Чюрниониса.

района). Типы сопровождающего инвентаря и расположение вещей в определенном порядке также отличают эту область от других областей Литвы. Из оружия для погребений этой области характерны втульчатые наконечники копий, втульчатые топоры, лезвия которых позднее становятся широкими; они встречаются даже в могильниках X в. (Гуоделяй Седаского района), тогда как в средней Литве к этому времени они уже исчезли. И

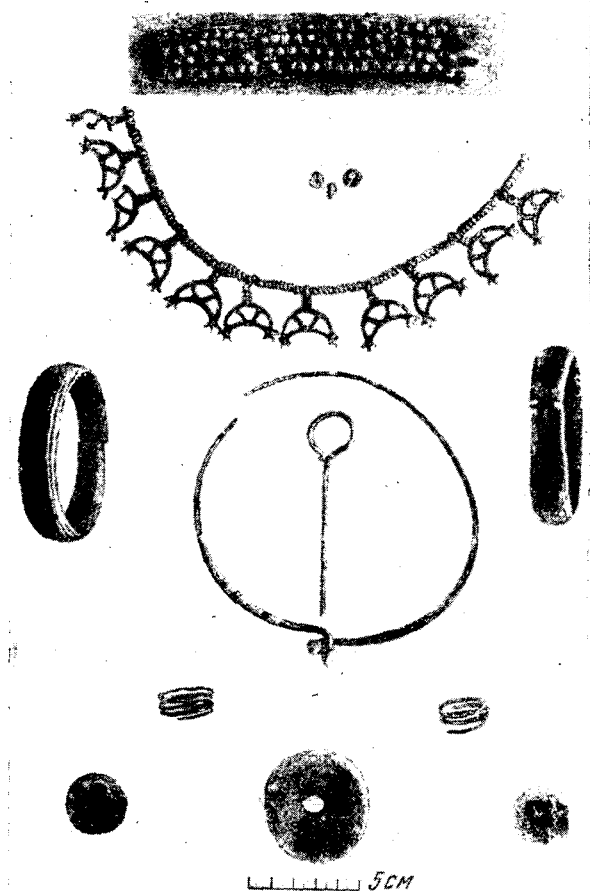

Рис. 3. Инвентарь погребения № 8, Курмайчай (Кредингский район)

земледельческих орудий распространены косы, которые в восточной Литве встречаются редко (там более употребительны были серпы). Из характерных ранних (III—IV вв.) украшений (рис. 3) найдены выпуклые браслеты с глазчатым и шнуровым орнаментом и плоские пластинчатые браслеты с текстильным орнаментом. Для этой области характерны также ажурные нагрудные украшения, особые шапочки и перекладчатые фибулы так называемого клайпедского типа. В погребениях часто встречаются римские монеты. Позднее распространились булавки с розетками и жезловидные булавки с большими головками. Для погребений V—VIII вв. особенно характерны крупные кольчатые фибулы и фибулы с звездчатыми ножками. Общими для этой области и средней Литвы являются фибулы с лопаточной ножкой, коробочные шейные гривны и браслеты с утолщенными концами. В VIII—XI вв. возник свое-

образный тип арбалетных «звериных» фибул, наиболее характерный для южной части области.

В XI—XII вв. край стал особенно богатым, что было несомненно связано с проложением торговых путей, которые соединили литовское при море с различными странами. Однако импортные изделия в погребениях встречаются редко. Зато много местных изделий прежних форм, причем они стали очень крупными. Характерны неправильного профиля браслеты массового производства. Часто встречаются большие широкие кольчатые фибулы, а также громадные фибулы со «звериными» ножками и сплюснутые арбалетные перекладчатые фибулы, украшенные зернью. Необходимо также отметить витые шейные гривны, которые иногда встречаются по нескольку в одном погребении, и спиральные шейные гривны из нескольких витков. Особенно характерны шейные гривны, витые из бронзовой и железной проволоки. Распространены также бусы из синего стекла с ребристой поверхностью, нанизанные на проволоку и как бы составляющие шейную гривну.

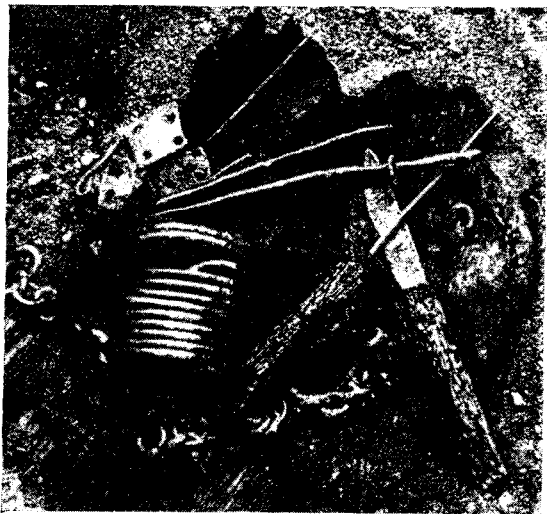

Рис. 4. Миниатюрный ткацкий набор из Яздай (Кретингский район)

В женских погребениях найдены комплекты миниатюрных приборов для тканья поясов при помощи дощечек (рис. 4)¹⁰. Начиная с первых веков н. э., вплоть до периода возникновения письменной истории, в погребения клали миниатюрные топорики и глиняные сосудики высотой 3—7 см, помещая их близ головы. Параллелей им не найдено ни в одной соседней стране. Около X в. вместо сосудиков клали рога для питья, украшенные бронзой оковкой.

Многие черты погребений этой области связывают ее со средней Литвой, а также с Калининградской областью. Со средней Литвой ее роднят погребения с труположением, а с Калининградской областью венцы, окружающие погребение. Та же двойственность прослеживается и в изделиях, в особенности в формах украшений. Булавки чаще всего имеют черты, характерные для средней Литвы, но фибулы родственны фибулам Калининградской области.

Кто же жил в этой области?

В письменных источниках уже в IX в. в самой северной части Литвы и юго-западной Латвии упоминаются курши¹¹. Из переписки магистра ордена можно установить, что в середине XIII в. здесь было пять областей (повидимому, административных, но, вероятно, основа этого деления была этническая). Распространение в Латвии, которая является настоящей областью куршей, грунтовых погребений, значительно отличающихся от литовских, позволяет предполагать, что в начале и середине I в. н. э. в Литве куршей еще не было, они появились позднее и только в северной части

¹⁰ Этот способ тканья поясов хорошо известен у литовцев и других народов Прибалтики и по этнографическим данным.

¹¹ K. Būga, Lietuvių kalbos žodynas, Kaunas, 1925, II, стр. 89—93; A. Salys, Die Žemaitischen Mundarten. I. Geschichte des Žemaitischen Sprachgebiets, «Tauta ir Zodis (Epe Lituana)», VI, Kaunas, 1930, стр. 193—198.

области. В юго-западной части Литвы письменные источники упоминают племенное объединение скальвов¹². В XIII в. оно достигало болот устья Русне. Но это уже период исчезновения скальвов, так как они со

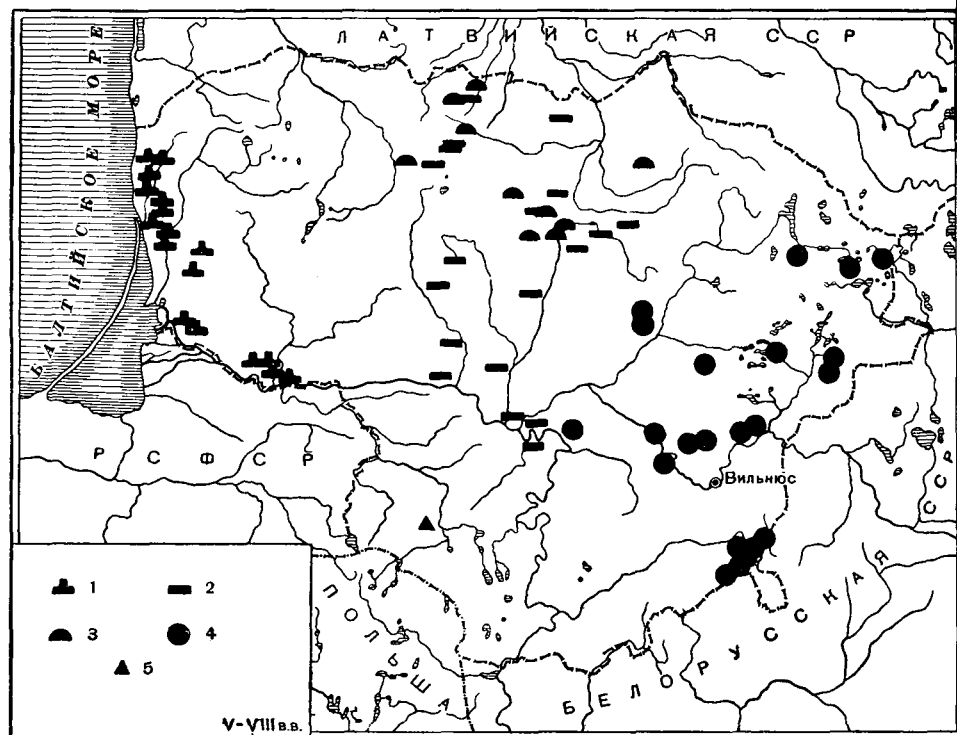

Рис. 5. Распространение типов погребений V — VIII вв. в Литве

хранились едва до середины XVI в., а потом смешались с собственно литовцами. Возможно, в более ранние времена скальвы жили на берегу моря еще далее к северу и состояли из нескольких родственных племен. Им могли принадлежать и могилы с венцами.

Рис. 6. Детские погребения, Саргенай у Каунаса

и Вершвайском (предместье Каунаса, II—VI вв. н. э.) могильниках ориентировка связана с полом умершего: мужчин хоронили головами на запад,

¹² К. Вūга, Указ. соч., стр. 69.

женщин — на восток. В позднейших погребениях этого правила строго не придерживались, и уже в V—VI вв. ориентировка была различной. В могильнике Палукнис IX—X вв. (Титувенского района), находящемся близ западной Литвы, умершие погребены головами на запад, на что, повидимому, повлияли традиции западной Литвы.

Первые погребения с трупосожжением появляются здесь наряду с трупоположением уже в V—VI вв. (Ейгуляй, предместье Каунаса). Обряд трупосожжения связывает среднюю Литву с восточной, для которой трупосожжение особенно характерно. Влияние восточной Литвы прослеживается и в том, что здесь не обнаружено такого перехода от трупоположения к трупосожжению, какое наблюдалось в западной Литве, а сразу появилось погребение с трупосожжением в ямке.

Погребальный инвентарь положен, как и в восточной Литве, отдельно, поверх костей. Встречаются ранние (V в.) погребения, обложенные несколькими довольно большими камнями (Ейгуляй). В том же могильнике найдено погребение с трупосожжением в продолговатой ямке, словно имитирующей погребение с трупоположением. В поздних погребениях не сгоревшие кости тщательно собирали и складывали в круглую ямку, но камней вокруг погребения уже не клали, хотя в могилах встречается по одному довольно большому камню рядом с погребением (Палукнис Титувенского района), что идет, повидимому, от старых погребальных традиций.

В XI—XII вв. во всей средней Литве обряд трупоположения заменяется трупосожжением. Погребения с трупосожжением здесь более однообразны, чем в западной Литве. В круглую ямку сыпаны остатки сожженных костей вместе с обожженными и сломанными украшениями и углями от костра. Умерших редко сжигали в могильной яме, чаще всего остатки кострища для трупосожжения встречаются отдельно от могильника.

Погребальный инвентарь в большинстве случаев состоит из украшений, оружия почти нет, тогда как в погребениях западной Литвы оружие в могильниках встречается в значительном количестве.

Для средней Литвы характерны конские могильники¹³, исследованные в нескольких местах (Вершвай, предместье Каунаса, Граужай Кедайнского района, Римайсай Гамигальского района; рис. 8 — знак «3»). Отдельные конские погребения, встречающиеся по всей Литве, возникли еще в первые века н. э., сплошные же конские могильники характерны только для периода раннего феодализма. Коня погребали вместе с его богатым снаряжением рядом с умершим или в отдельном могильнике.

Из характерных для этой области украшений (рис. 7) отметим спиральные височные украшения, состоящие из нескольких витков круглой проволоки. Их, повидимому, подвешивали к шапочкам. Известны и пластинчатые височные украшения с концентрическими кругами и с отверстием в середине. Обнаружены еще шейные гривны с трубчатым концом, а также с обвитым проволокой ложечным или петельчатым концом. Встречаются ожерелья из мелких стеклянных бусин, массивные браслеты полукруглого профиля, украшенные глазками и имитацией шнура, а также сильно профилированные перекладчатые фибулы. Во все периоды были широко распространены различного вида булавки для застегивания одежды (в особенности женской). В период раннего феодализма были употребительны различные подкововидные фибулы и витые шейные гривы с четырьмя конусиками на концах. Большинство изделий характерно для всей территории Литвы.

В отличие от западной Литвы здесь редко встречается миниатюрная

¹³ Р. Куликаускаене, Погребение с конями у древних литовцев, «Советская археология», XVII, 1953, стр. 211—222.

керамика и в погребениях совершенно не обнаружено миниатюрных орудий труда.

Для средней и западной Литвы характерны такие общие черты, как грунтовые погребения, камни в могилах и в особенности общая материальная культура. Поэтому границу между ними определить очень трудно можно лишь установить соотношение отдельных изделий в одной или

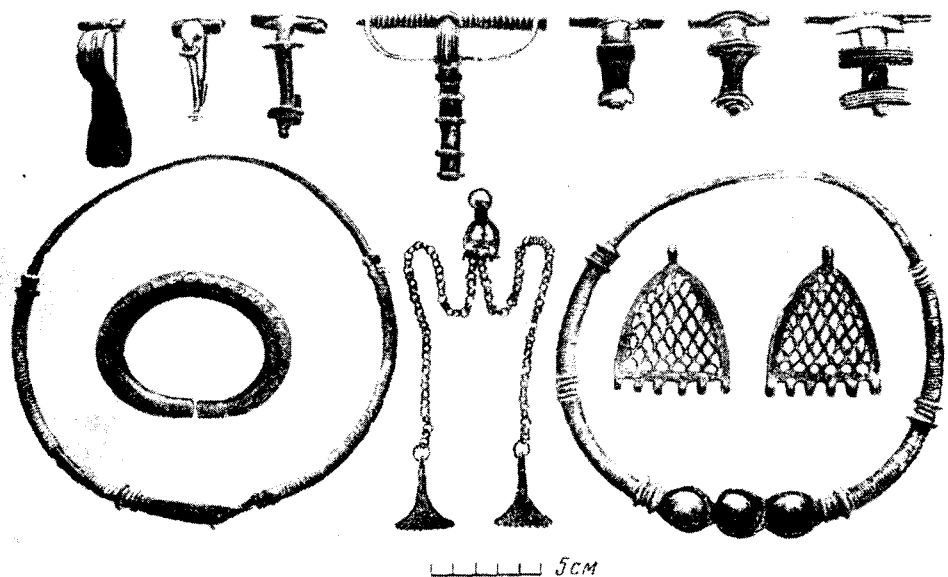

Рис. 7. Изделия II—V вв. из средней и северной части [средней Литвы

другой области. Имеются и общие для всей области изделия. Среди них отметим особого вида втульчатый железный топор, граница распространения которого проходит приблизительно по линии Каунас—Паневежис, т. е. совпадает с границей распространения курганов восточной Литвы и грунтовых могильников. Общим является пользование косами, но в средней Литве косы в погребениях встречаются очень редко.

В исторических источниках среди населения этой области упоминаются жемайтчяй (жмудь), т. е. «жители низменности»¹⁴. По этим источникам, граница жемайтчяй в XIII—XIV вв. проходит на севере по верховьям рек Муша и Вента, на северо-западе доходит до Жаренайских озер, на юго-западе до устья Митувы, на юге до Немана, а на востоке до р. Невежис. Но уже в хрониках этого периода жемайтчяй не всегда отделяются от литовцев.

К северу от области грунтовых могильников распространены курганы, которые в начале н. э. занимают территорию районов Мажейкяй, Шяуляй, Паневежис, Биржай, а на юге распространились до районов Расейняй и Таураге (рис. 2, 5 — знак «3»). Курганы в этой области невысокие, редко выше 1 м, диаметр 5—13 м. Обыкновенно они правильной круглой формы, но бывают и овальные. Основания курганов окружены венцами из больших камней, иногда до 1 м в диаметре (рис. 9, а, б). Камни уложены в несколько рядов. Иногда встречаются каменные венцы с разрывом, повидимому, для имитации входа (Павекаяй Кельмеского рай-

¹⁴ К. В ü g а, Указ. соч., стр. 53; А. S a l y s, Указ. соч., стр. 174—177.

она). Вместе с основным венцом в некоторых погребениях Павекай обнаружены и отдельные камни, а также сложенные из меньших камней полу-венцы, которые сооружались одновременно с основным венцом. Кроме венцов, камней в курганах не встречается.

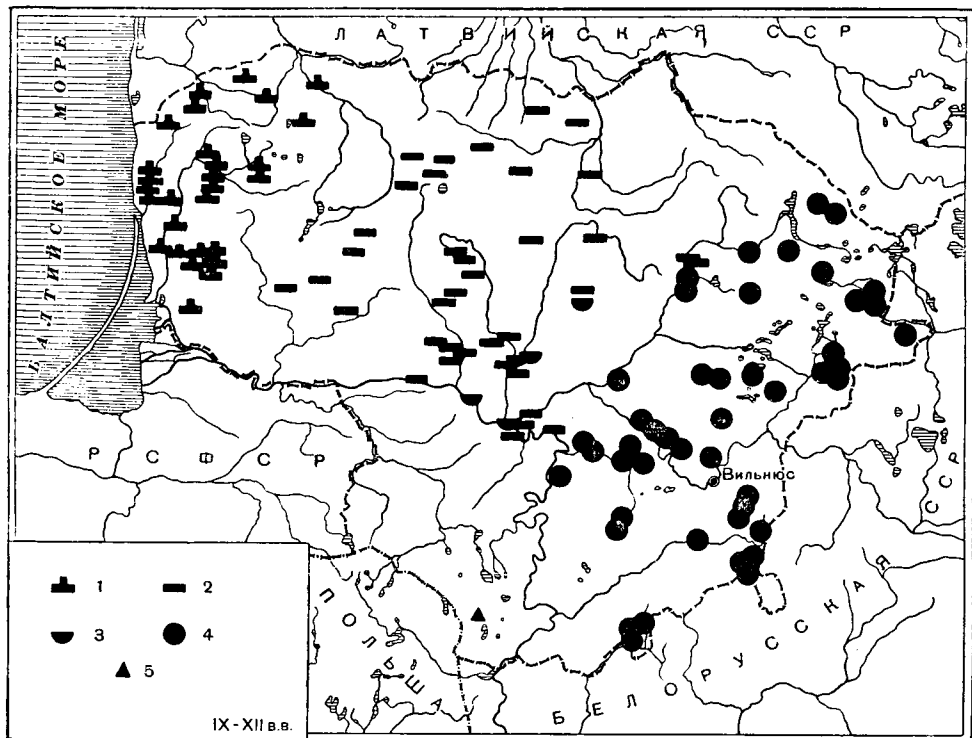

Рис. 8. Распространение типов погребений IX—XII вв. в Литве

В курганах обнаруживается по 2, 3 и даже по 8 погребений. Первое, основное погребение находится в середине кургана на поверхности земли, другие расположены в насыпи. В некоторых местах отчетливо видно, что с каждым новым погребением насыпь кургана увеличивалась. Встречаются группы курганов, в которых каменные венцы соприкасаются (Виздяргяй Куршенского района). Этим они напоминают курганы западной Литвы последних веков до н. э. (Курмайчайские курганы Кретингского района).

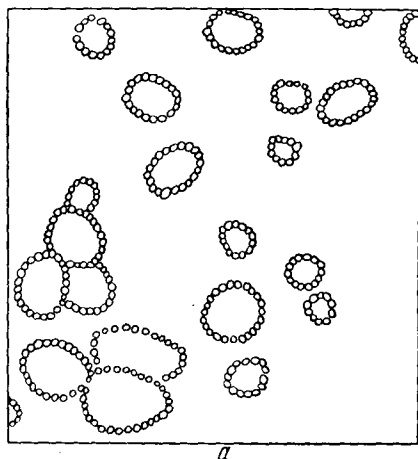
Ориентировка погребений строго не выдерживается, но чаще всего умерших хоронили головами на запад, северо-запад и север. Если в ранних курганах умерших погребали в насыпи курганов, то уже с IV в. начали хоронить в ямах под насыпью (Гибайчяй Шяуляйского района).

Структура отдельных погребений очень близка грунтовым погребениям средней Литвы. У головы и ног тоже клали по два камня. Традиция класть камни в погребения сохранилась здесь до V в., т. е. до того времени, когда исчез обычай насыпать курганы.

Инвентарь в погребениях клали без соблюдения одинакового порядка. В некоторых погребениях встречаются рога для питья. Оружия в погребениях мало. Вообще погребения значительно беднее, чем в западной Литве. Но социальные различия, судя по количеству погребального инвентаря, здесь проявлялись весьма резко.

Из погребального инвентаря для этой области, так же как для грунтовых погребений соседней Латвии, характерны шейные гривны с трубо-видными концами, особой формы подвески, нагрудные украшения из не-

больших пластинок и другие. Вообще обряд погребений и погребальный инвентарь очень близки области грунтовых погребений средней Литвы с которыми после исчезновения курганов они окончательно сливаются.

а

б

Рис. 9. а — часть плана курганного могильника, Виздяргяй (Куршеский район);
б — курган после снятия насыпи, Павекаяй (Куршеский район)

Можно предполагать, что в этой области проживало какое-то отдельное племенное объединение жемайтчяй, которое довольно рано утратило свои специфические черты.

В соседней области Латвии — Земгала — встречаются такие же курганы, которые позднее исчезают. В материальной культуре этой области, обнимающей среднюю Латвию и среднюю Литву, уже с начала н. э. можно выделить три различные этнические группы. Какие это были этнические объединения, для того времени решить трудно. Однако ясно, что северная часть составляла самостоятельное этническое объединение жемгалей (земгалы), а южная влилась в этническое объединение жемайтчяй.

На востоке Литвы в продолжение II—XIII вв. господствующей формой погребения были курганы¹⁵ (см. рис. 2, 5, 8 — знак «4»). В первые века н. э. здесь, как и в других областях Литвы, был распространен обряд трупоположения. Исследованных курганов этого периода очень мало, поэтому обобщающие замечания о погребениях могут быть неточными.

Были ли в начале нашей эры в этой области грунтовые могильники, пока неясно, так как относящиеся к ним материалы в большинстве случаев представляют собой случайные находки. В некоторых местах за грунтовые могильники могли быть приняты разрушенные невысокие курганы. Рядом с грунтовыми могильниками с начала н. э. стали появляться курганы с трупоположением.

По материалам, относящимся к III в., курганные насыпи были диаметром от 7 до 12, иногда до 17 м и высотой до 0,5—1 м. Основания курганов окружали каменными венцами и окапывали неглубокими канавами. Чаще всего в курганах обнаруживается по два или несколько погребений, но меньше, чем в курганах средней Литвы. Для восточной Литвы характерны погребения в яме под насыпью. Большинство погребений обнаруживается на глубине 60 см. Погребали головой на запад, а в западной части области в различных направлениях.

В южных районах умерших стали сжигать уже с IV в., в северных же и в восточных районах обряд трупоположения сохранялся до V—VI вв. В юго-восточной части Литвы (в Эйшишкском и Варенском районах) курганы, относящиеся ко второй половине первого тысячелетия н. э., сплошь сложены из камней или из камней и земли. Такие курганы особенно характерны для западной части бассейна р. Меркис, но встречаются и в других местах рядом с обыкновенными курганами.

В ранних погребениях с трупосожжением (V—VI вв.) остатки костей из костров полностью выбирала. Слегка обожженные или совсем необожженные предметы погребального инвентаря клали поверх костей. В некоторых курганах ранние погребения с трупосожжением найдены в ямах. Позже начали погребать на поверхности земли — на тонких слоях песка, гравия или угольного слоя. Трупы сжигали отдельно. Позднейшие погребения производились в насыпи курганов, однако в каждом кургане обнаруживается не больше двух-трех погребений.

В последней четверти первого тысячелетия н. э. каменные венцы укладывали редко, только в отдельных случаях они сохранялись до VIII—X вв. Позднейшие курганы в виде усеченного конуса каменных венцов уже не имеют.

Наряду с круглыми курганами встречаются продолговатые и даже четырехугольные. Некоторые курганы имеют в диаметре 20 м, но по высоте не превышают 1,5 м. Чаще всего в кургане этого периода одно погребение. Сожженные кости перемешаны с углями, золой и инвентарем и рассыпаны на большом пространстве, видимо, на месте сожжения. Изделия обожжены, разломаны. Миниатюрных изделий не встречается.

Меньшую часть погребального инвентаря составляют орудия труда. Среди них встречаются серпы и топоры с узким лезвием, а позднее, начиная с X в., с широким. Топоры с узким лезвием — проушного типа, втульчатых найдено только два и то на границе со средней Литвой. В это же время в западной части Литвы большое распространение имели втульчатые железные топоры с узким лезвием.

Характерны для этой области серпы с отогнутым концом, которые сохранились приблизительно до IX в., когда их сменили, тоже характерные только для этой области, зубчатые серпы.

¹⁵ А. Таутавичиус, Указ. соч.

Для восточной Литвы характерны и наконецники копий с зубцами на пере, появившиеся во второй половине первого тысячелетия. Из других видов оружия отметим своеобразной формы умбоны щитов, встречающиеся во всех периодах.

Наряду с типичными для всей Литвы украшениями — такими, как конические шейные гривны III—V вв., ложечные гривны, различные фибулы (с согнутой ножкой, кольчатые), — встречаются и своеобразные формы. Булавки для застегивания одежды здесь не употреблялись.

В IV—V вв. производство железа в этой области достигло такого высокого уровня, что из него изготовлялись и украшения, например арбалетные фибулы с высокой узкой дужкой, а позднее небольшие арбалетные фибулы с тордированной дужкой и короткой ножкой. Из бронзовых изделий в погребениях с трупосожжением обнаружены височные украшения из проволоки круглого или ромбического сечения в виде колец с утончающимися, немного заходящими концами. Они появились в IV в. и сохранялись в продолжение долгого времени. Характерным местным украшением являются подкововидные фибулы и подвески с эмалью (рис. 10, а). В VII—X вв. были распространены характерные для племен Латвии и северной Литвы шейные гривны с седловидными, а также с плоскими заходящими концами (рис. 10, б).

Для второго тысячелетия н. э. характерны красивые орнаментированные пластинки для украшения одежды. Распространение этого специфического украшения полностью совпадает с границами распространения курганов восточной Литвы.

В восточной Литве, как и в других областях страны, в V—VIII вв. конских погребений еще очень мало. Большинство их относится к IX—XIII вв. Характерно, что в этой области наряду с несожженными конскими трупами встречаются сожженные. В исторических источниках отмечено, что князь Кестутис и Алгирдас были сожжены вместе с конями. Эти князья погребены как раз в восточной Литве (Кестутис в Вильнюсе, а Алгирдас в Майшегала Вильнюсского района). Для этой области характерно, что в погребения клады конские зубы.

Область восточной Литвы имела связь с культурными областями средней и юго-западной Литвы, что подтверждается распространением многих характерных для всей Литвы украшений и орудий. Особенно ясно культурное объединение прослеживается в начале второго тысячелетия, когда по всей Литве распространился обряд трупосожжения. Со средней Литвой эту область объединяет и появление грунтовых могильников. Связью со средней Литвой объясняется и распространение конских погребений. Вообще культурное объединение всех областей Литвы связано с формированием в то время литовской народности¹⁶. Из юго-западной области в восточную Литву пришел обычай трупосожжения, появившийся сначала в ее юго-западных районах. Кроме того, в этих районах наряду с обыкновенными курганами встречаются и курганы, сложенные из камней.

Граница распространения курганов восточной Литвы на севере проходит через районы Дукштас и Зарасай, на северо-западе доходит до р. Швентой (Свенты), на западе идет через Укмергский район и районы Кайшядорис и Алитус по р. Неману. На юге курганы этого типа встречаются в Шальчининкском, Эйшишкском и Варенском районах. Восточные границы пока неясны, но погребения с трупосожжением VII—IX вв. и погребальным инвентарем балтов прослеживаются до линии оборонных русских замков XII—XIII вв.: Новогрудок — Минск — Заславль — Логойск, а к северо-востоку почти до Полоцка.

¹⁶ R. Volkaitė-Kulikauskienė, Medžiaginė Lietuvos gyventojų kultūra IX—XII amžiuje, remiantis tyrinėtų laidojimo paminklų duomenimis, Vilnius, 1950 (Диссертация, архив Ин-та истории и права АН ЛССР).

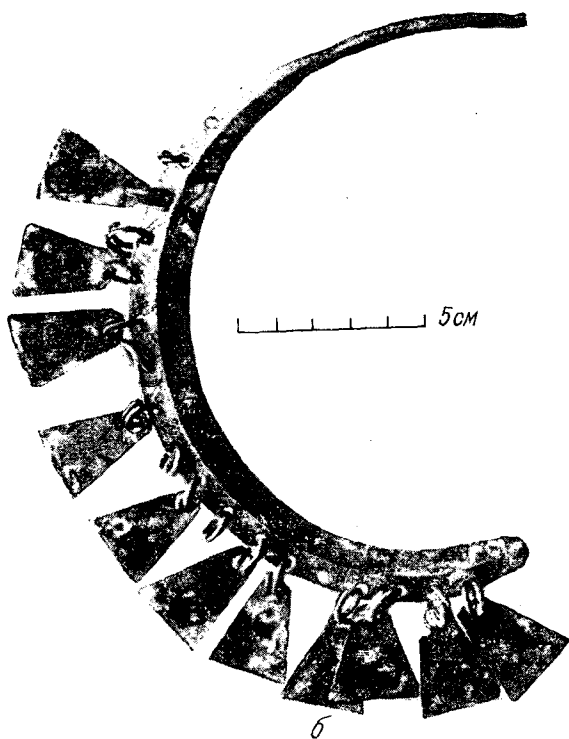
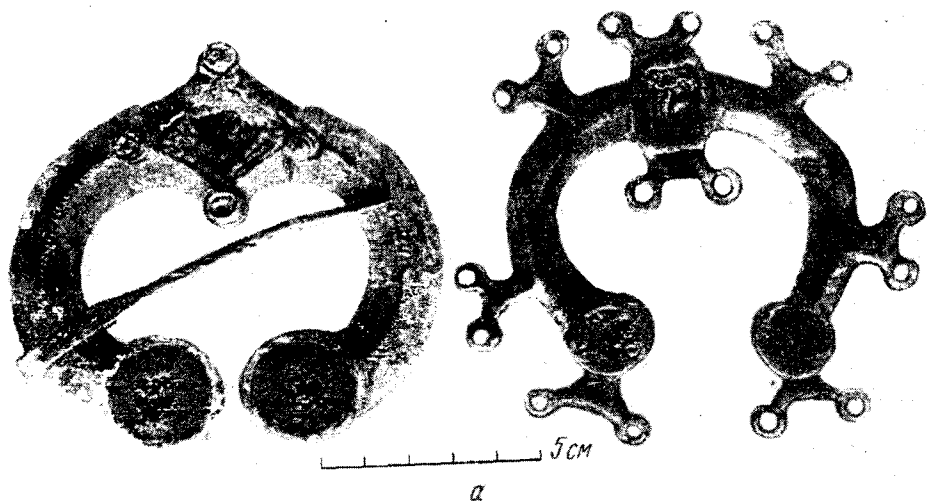

Рис. 10. а — эмалированные изделия из восточной Литвы; б — половина шейной гривы из северо-восточной Литвы

С VIII—IX вв. в курганах с грунтовыми погребениями, находящихся теперь на территории БССР, наряду с трупосожжением, встречается не большое число трупоположений и совершенно чужой для этой области погребенный инвентарь: филигранные бусы, стеклянные браслеты и другие украшения. Погребения с трупоположением, относящиеся к этому периоду, считаются славянскими.

В русских летописях начала второго тысячелетия жители восточной Литвы называются литовцами¹⁷. Упоминаемые в этих летописях названия «жмудь» — жемайтский и «литва», повидимому, обозначают наименования народностей. Но в хронике XIII в. (например, в «Рифмованной хронике» написанной около 1290 г.) при упоминании наряду с литовцами и жемайтский часто подчеркивается, что последние — те же самые литовцы. В некоторых немецких хрониках XVI в. встречается название «аукштайтский». Повидимому, так называли жемайтский своих ближайших соседей. В этот период, судя по письменным источникам, в восточной Литве различались также земли Нальшанская и Девалтовская. Их границы пока установить трудно. Несомненно, это было уже административное деление, но в основе его лежали этнические признаки. Таким образом, в восточной части Литвы, помимо литовцев, в первом тысячелетии было еще несколько племенных объединений, границы распространения которых предстоит выяснить в будущем.

В исторических источниках упоминается еще одно племенное объединение — селяй (селы)¹⁸, обитавшие в северо-восточной части Литвы (районы: Рокишкис — Зарасай — Утена). Но эти районы археологически еще мало исследованы, поэтому определить границы расселения указанного племенного объединения, входящего в общий этнический массив Литвы, пока не представляется возможным.

На юге Литвы выделяются погребения, покрытые камнями (на картах знак 5). На этой территории пока исследованы только два попорченных могильника. Сведения о других надо искать в материалах регистрации археологических памятников и в более ранних исследованиях польских и немецких археологов. Граница распространения таких могильников на западе доходит до Мазурских озер, на севере до Немана на юге до оз. Спирдинг, а на востоке и юго-востоке включает районы Сувалок и Гродно.

Во всей этой области, начиная с первых веков н. э., встречаются погребения как с трупоположением, так и с трупосожжением. Все могилы покрыты камнями, и погребения расположены рядом по нескольку в одной могиле. Повидимому, это семейные захоронения. По данным одного могильника Дельницы нельзя пока делать заключения о том, что в Занеманье были распространены погребения с трупоположением, а в южной части — с трупосожжением. Но о продолжительном распространении в Занеманье погребений с трупоположением свидетельствует и могильник Лепинай, относящийся к тому же периоду.

Обычай погребения с трупоположением объединяет эту область со средней и западной Литвой, но это больше всего относится к Занеманью. Погребения с трупосожжением в южной части области схожи с погребениями древних пруссов, которые в продолжение всего периода сжигали умерших и обкладывали погребения камнями.

В исторических источниках упоминается, что в этой области жило племенное объединение иотвингяй (ятвягов) или судувяй (судинов)¹⁹. Точные границы их расселения установить пока нельзя из-за отсутствия исследований в этой области. Заметим лишь, что подобные погребения встречаются и у рек Припять и Буг.

¹⁷ А. S a l y s, Указ. соч., стр. 174—177.

¹⁸ К. В ü g a, Указ. соч., стр. 141—149.

¹⁹ Там же, стр. 69.

О племенном объединении судавов имеются довольно ранние сведения. Уже Птолемей во II в. н. э. упоминает судавов наряду с другим племенным объединением — галиндов.

* * *

Собранные к настоящему времени археологические данные показывают, что на территории Литвы, начиная с первых веков н. э., можно очертить определенные культурные области, соответствующие крупным племенным группам. Несомненно, дальнейшие исследования дадут возможность еще более уточнить их границы и выделить внутри них локальные группы. Для большей детализации необходимо исследование большего числа памятников.

Все упомянутые в обзоре этнические группы вошли в литовскую народность, которая стала формироваться на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры. Поэтому данные исторических источников XIII—XIV вв. не могут отразить все те этнические группы, которые имелись в Литве в первом тысячелетии. Культурное объединение в начале второго тысячелетия прослеживается во всех областях Литвы. Это особенно ясно выражено в распространении обряда трупосожжения, возникновении грунтовых могильников в восточной Литве, увеличении числа конских погребений.

Ко времени создания письменных памятников литовская народность уже сформировалась, так как в них упоминаются чаще всего только два этнических объединения — жемайтчай (жмудь) и аукштайтчай (литва). Не без основания Витаутас, в 1420 г., в письме к римскому императору отмечает, что жемайтчай с древних времен называются литовцами. Тут же он объясняет, что земля жемайтчай находится в низине («Terra inferior»), а аукштайтчай — на высотах («quod est terra superior respectu Terrae Samagitarum»).

Отраженные в письменных памятниках племенные перегруппировки, слияния, передвижения аукштайтчай на западе и пр. происходили уже в более позднее время, в чем можно убедиться при изучении истории наречий литовского языка. Еще в настоящее время наречия могут служить показателем для установления древних культурных областей. Несомненно, прослеживание культурных областей Литвы до периода возникновения современных наречий является благодарной и интересной задачей, но она уже выходит за рамки настоящего обзора.